

20. ИЮЛ. 1962

г. Москва

Газета №

ГАСТРОЛИ**СНОВА «СИЛЬВА»**

А не лишни ли эти несколько строк о гастролях Будапештского театра оперетты в Москве? Ведь и прошлый свой приезд будапештцы начинали «Сильвой».

Мне было бы куда легче ответить на этот вопрос, если бы читатели могли оказаться вместе со мной 19 июля на премьере «Сильвы». Я не оговорился: это действительно была премьера, и по ощущению тех, кто был на сцене, и по настроению тех, кто находился в зрительном зале. И я никак не мог разубедить себя в этом, хотя еще в 1957 году видел в Будапеште афишу 550-го представления.

Сколько же их сейчас на счету «Сильвы»? А посмотрели бы вы, послушали, как весело, задорно, молодо играли, пели, танцевали, повторяя, по требованию зала, по три-четыре раза каждый номер, Ханна Хонти (чье пятидесятилетие сценической деятельности так сердечно и шуточно — на то и оперетта! — было отпраздновано во время прежних гастролей театра в Москве), Арпад Бакшай (Эдвин),

Сильва — Марика Немет, лауреат премии имени Мари Ясаи, и Клари Бан.

Рис. Р. Сачляна.

Камил Фелеки (Мишка), Марика Немет (Сильва), Роберт Ратони (Бони), Магда Дьенеш (Стази).

Не знаю, как лучше определить атмосферу этого гастрольного спектакля; мне кажется, что самыми подходящими будут слова: без рампы. Сцена и зал слились как бы в одно. Все понятно и без комментариев. Особенно, когда на сцене Ханна Хонти, играющая Герцогиню.

Сложность. Как будто, это слово противопоставлено оперетте. Ее героини выписаны обычно или белой или же черной краской. А вот Хонти смешала эти два цвета. Ее не тревожит, что Цецилия, покоровившая нас в первом акте какой-то удивительной женственностью, своеобразием природы, во втором у нас же вызывает досаду, возмущение своей рассчитанной жесткостью. Она решает необычную для оперетты, рискну сказать, драматическую тему убиения души богатством, тщеславием.

И в этом Ханне Хонти, надо признаться помогает новое либретто, которое легло в основу спектакля, поставленного Миклошем Синетаром. Либретто, где ирония и задорная усмешка над сильными мира сего, над чванством, глупостью, корыстью отеснили в дальний угол умиленность прежних авторов текста благородным чувством аристократа Эдвина и шансонетке Сильве. Не в этом ли секрет неуядаемой молодости этой постановки?

Бор. МЕДВЕДЕВ.